

ГОРЬКИЙ — С. А. КОЛДУНОВ

Сергей Александрович Колдунов (р. 1901) — писатель и врач. Родился в семье рабочего — судового механика. «Трудовая моя жизнь началась рано, — пишет Колдунов в автобиографической заметке, — в одиннадцать лет я уже работал кочегаром на волжских пароходах. До революции испробовал ряд профессий: кочегара, плотовщика, матроса, продавца, слесаря...» (АГ). После Октябрьской революции Колдунов учился на рабфаке, а с 1921 г. по 1926 г. на медицинском факультете Первого Московского государственного университета. Вскоре началась и писательская деятельность Колдунова. «Литературной работой занимаюсь давно, попутно с работой врачебной, — писал он. — В 1933 г. вышла в свет моя первая повесть „P. S.“ (Постскриптум), с которой А. М. Горький познакомился уже после ее опубликования. Именно по поводу этой повести он и прислал мне письмо...» (АГ). Экземпляр книги Колдунова «P. S.» (М., ГИХЛ, 1933) с большой правкой Горького хранится в АГ.

Колдунов является автором книг: «Обыкновенные признания» (1935), «Ремесло героя» (1938), «Честь флага» (1943), «Огни победы» (1946) и др.

Ниже публикуется письмо Горького Колдунову.

⟨Москва. Январь 1934 г.⟩

Тов. Колдунов!

Не совсем удобно мне вступать с вами, медиком, в дискуссию, но на 5-й стр. вы слишком поторопились погасить в человеке активное сопротивление его интеллекта идиотизму «биологического закона». Физически утомленный Боровой должен был более длительно испытывать удовольствие отдыха в новой, приятно изображенной вами обстановке. Начали вы главку — правильно и хорошо, но слишком быстро перешли к намеченной теме. Главка — длинновата. На 4-й стр. вы снабдили Борового «сухим треском суставов», это не лишнее ли? Подагра с туберкулезом как будто не совмещается.

Красным сплошь вычеркиваю слова, на мой взгляд, — лишние, подчеркиваю — неудачные.

На стр. 7 перечеркнуто синим: исчисление разностей между Б<оровым> и С<околовым> нужно сделать менее сухим и арифметическим, а еще лучше — выкинуть, оставив равнодушие. Вообще не торопитесь показать ваш «товар лицом», дайте подумать читателю самому, он у нас уже не дурак и становится все умнее. Его надобно уважать как хорошего друга, не ставя на его место пяток, десятков читателей, лично знакомых вам. Он — очень большой.

Кровозлияние из легкого едва ли позволило бы продолжать речь, не будет ли правильной заменить кровоизлияние — кровохарканием?

На стр. 13 фразы, подчеркнутые синим, следовало бы убрать, или пусть Б<оровой> осмеет их, ибо искусство есть наиболее совершенное выражение людской трудоспособности, люди издревле и всегда завершали ремесло искусством, и в будущем весь не охваченный машинами ручной труд будет, конечно, искусством.

СЕРГЕЙ КОЛДУНОВ

P. S.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1933

ник: Какой-нибудь вывалившийся вамин дух неожиданно обер-
нется самым обыкновенным советским человеком. И вы
бесславно скончаетесь от непредвиденного изумления,
что ниче даже духи говорят неудобной для вас прозой.

Так коротка Боровой большое время и разговорах
с Лебяжьим. Причудливая болтовня этого человека
исчезает от самостояния неразрешенных раз-
думий. Даже болезнь иногда почти забывалась и отсту-
пал куда-то в сторону. Боровому начинало казаться,
что он выдоразивает, становится крепче и сильнее.

Издательство Государственной литературы
Москва

Однажды ночью Боровой проснулся от чувства стран-
ной тяжести в теле, от шумного звона в ушах. Набито
был пылес. Во рту застрял знакомый тошнотворный вкус.
Потох палата прокидывался и падал куда-то, смещае-
мый головокружением. Боровой с усилием привстал на
локте. Опрокинувшись, расплывающийся пятна крови темнели
на подушке. Кровь, видимо, шла уже давно. Неслышной
походкой, как вор, убрала она.

Боровой позвонил. Срочно вызвали врача. Кровотече-
ние, как в первый раз, вскоре прекратилось. Но остаток
ночи Боровой не сомнул сна.

Вытнувшись, лежал он на койке, невольно прислуши-
ваясь к темным шорохам болванки. Трудно было от-
ходить упрямые ее нашествия. Опустошающая сва-
лость разливалась по телу. Бессонного обвисали мускулы.
Чувство смелое и уверенное страхе сбивалось с такта,
как растерявшийся музыкант.

Мысли о смерти вставали над Боровым. Впервые не
боролся он с чувством назисающей бедности. Бо-
лезнь впервые заставила его предельноше уличения.
Естественно, за предельноше дождливости, совершила
она свое дело. Тайная работа ее была неотвратимой. По-
добно выходящему ветру, она готовила удар в спину
нежданный, предательский удар, от которого всякая
оборонитесь. С таким врагом нельзя было столкнуться
лицом к лицу и умереть бездумно, в состоянии экзе-
ки сваятен. Враг этот был страшен, как паляк.

— Покушение на жизнь

ОБЛОЖКА И СТРАНИЦА 45 КНИГИ С. А. КОЛДУНОВА «Р. S.» (М., 1933) С ПРАВКОЙ И ПОМЕТАМИ ГОРЬКОГО

Личная библиотека Горького

Стр. 27. Шаблонная характеристика врача несколько неожиданна у вас, человека, который хочет и — вероятно — сможет смотреть на мир своими глазами. Я лечусь 40 лет, видел, наверное, сотни врачей, среди них — немало равнодушных невежд, пошляков, фокусников, я согласен с честными врачами, которые сознают, что медицина еще не наука, все это — так. И все-таки врачи как стражи здоровья, борцы за него, как люди, создавшие, создающие непрерывно множество ценнейших наблюдений, экспериментов, — врачи заслуживают иного отношения к ним, не обывательского. Надо же понять и пора понять, что в условиях буржуазного общества медицина, играя огромную роль обогатительницы жуликов, не могла быть «точной наукой», но что она все-таки — наука и должна, и может быть «точной».

Стр. 35. Характеризуя человека сразу такими словами, вы вносите в его рисунок, данный вами, черту неверную: люди типа Лебяжьего не именуют себя «самопожирателями», они — не каются, а — обвиняют, они слишком твердо уверены в том, что являются «неповторяемыми личностями», кои украшают бытие. Самообожание наполняет их, как вода утопленников. Вы все время забегаете вперед естественного, логически обоснованного хода рассказа.

Рассказ Лебяжьего плох, длинен и необедителен: не веришь, что человека такого типа мышления мог надломить факт неудачной любви. Еще более не веришь, что такой самовлюбленный способен быть однолюбом. Такого типа люди — полигамны, женщины для них — зеркала, обязанные отражать только достоинства, а как только они начинают замечать недостатки «неповторимой личности», — они перестают существовать для нее.

Стр. от 35 до 45 нужно сократить, а речи Борового и Лебяжьего — индивидуализировать, чтоб не создавалось впечатление, что автор разъял сам себя надвое и что диалог Б<орового> и Л<ебяжьего> — монолог Колдунова. В старинной книге «Грациан»¹ сказано: «Монолог есть театральное действие, когда действующая особа сама с собой разлагольствует». Начало главки 11-й — начало перелома. Решающие удары должны быть краткими. Вспомните, как ловко убивает Толстой Ивана Ильича. «О смерти Б<оровой> думал спокойно». Не верю. Человек активный, изменяющий мир ради совершенствования его, не может и не должен относиться как-то «спокойно» к смерти. Он — вместилище самой тонкой и самой ценной из всех энергий мира, и хотя источник этой энергии — материя, но ведь энергия интеллектуальная — наши «рацио», «интуицию» — развита и организована усилиями нашими в процессах труда. Человек, понимающий свое назначение на земле, обязан «возмущаться» фактом неизбежности уничтожения хотя бы и минимальной частицы этой энергии, обязан бороться против факта смерти, искать средств продления жизнедеятельности своей.

Вся 14-я глава кажется мне лишней и надуманной. Особенно плохо — сцена у монумента Пушкина.

Умирание Лебяжьего недостаточно унизительно. Этот акт надо бы сделать более жестким, неопрытным. У Борового этот акт должен бы вызвать брезгливость, ощущение оскорбительности смерти.

На 79-й вы приписали Бор<овому> «освобождающую радость». Освобождающую от чего? От болезни, больницы, от раздвоения сознания? Вам следует объяснить это самому себе. Совершенно не оправдано — уход Б<орового> из больницы и подражание Лебяжьему.

На 81-й — изображено отношение Б<орового> к докторам. Неправильное, обывательски пошлое отношение, крайне вредное в нашей все еще весьма невежественной стране.

На 82-й — следовало бы к вопросу об уходе Б<орового> из больни-

цы — вспомнить о том состоянии туберкулезных пред концом, которое именуется «надеждой фтизиков». И картина болезни была бы полнее. К стати: там, где автор рассказывает об отношении Б<орового> к женщинам, уместно было бы тоже вспомнить о повышенной чувственности туберкулезных.

90-я. Очень спорно определение дружбы. Автору надобно отказаться от неудобной и опасной привычки говорить неопределенно, так, что читатель не понимает — кто говорит: автор или герой?

Пolemическое выступление Б<орового> на протяжении всей 19-й главы следует сократить. Вообще конец крайне растянут, а его хочется видеть очень крепким, заостренным. Автор слишком старается писать «литературно», и в ряде мест это у него выходит сухо и холодно. Дарование — интересное, но благодаря увлечению автора красотью фразы трудно определяется своеобразие дарования. А оно — есть, об этом говорит весьма многое, в том числе и выбор «сюжета». Очень хотелось бы побольше непосредственности, простоты, сжатости. И не злоупотреблять короткой, рубленой фразой.

Советую работать больше, ежедневно понемножку, хотя бы по десятку строк. Это поможет автору ясно увидеть недостатки и достоинства его стиля.

Всего доброго.

М. Горький

Датируется на основании письма Колдунова к Горькому от 31 декабря 1933 г. (АГ).

¹ По-видимому, речь идет о книге поучений для государственных деятелей и придворных: «Ирой Валтазара Грациана с критическими, историческими и нравоучительными примечаниями г. Курбевиля». Перевод с французского. М., 1792.